УДК: 37.014.53 DOI: 10.12737/23971

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПОДХОД В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

***Горин Д.Г., Ницевич В.Ф.*[1]**

В статье рассматривается проблема реализации принципа справедливости в управлении образованием.

Образование рассматривается как источник доступа к квалификационному ресурсу, социальному и культурному капиталу. Реализация принципа справедливости в сфере образования связывается с основными факторами социального неравенства.

Авторы приходят к выводу, что обеспечение справедливости в доступности образования влияет на воспроизводства всех слоев российского общества.

Ключевые слова: образование, справедливость, социальное неравенство, социальная мобильность, квалификационный ресурс.

JUSTICE IN EDUCATION: SOCIAL TRENDS AND MANAGEMENT APPROACHES IN A TRANSFORMING SOCIETY

GORIN D.G. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

NITSEVYCH V.F. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

The article discusses some special aspects of the implementation of the principle of justice in the education management.

Education is considered as a source of access to the qualification resource, social and cultural capital. The implementation of the principle of justice in education is associated with the main factors of social inequality.

The authors conclude that the provision of equity in access to education affects the reproduction of all levels of the Russian society.

Keywords: education, justice, social inequality, social mobility, qualification resource.

Проблема реализации принципа справедливости в сфере образования исследуется в современной социологии достаточно активно. Связь справедливого доступа к образованию с тенденциями социальной мобильности и формированием социальной структуры современного общества очевидна и хорошо исследована[2]. Особый интерес представляет ресурсный подход к

Горин Дмитрий Геннадьевич – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация), адрес: Москва, Стремянный пер., 28, корп. 1, e-mail: dm.gorin@mail.ru

Ницевич Виктор Францевич – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и социологии, Российская Федерация, г. Москва, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

[2] Константиновский Д. Л. Российская молодежь: образование и занятость // Россия и Китай: молодежь XXI века. – М.: Новый хронограф, 2014. – С. 283-307; Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко

описанию социального неравенства в современном российском обществе, который предполагает в том числе рассмотрение образования как источника доступа к квалификационному ресурсу, социальному и культурному капиталу[1]. Интерес представляет также рассмотрение образовательного ресурса как основной составляющей человеческого капитала[2].

Однако практические вопросы коррекции политики в сфере образования требуют более внимательного рассмотрения моделей реализации принципа справедливости в условиях трансформирующегося общества. Остается не вполне ясным, какая из моделей справедливости должна быть положена в основание политики в сфере образования, если сфера образования дифференцирована, разные ее сегменты функционируют в противоречащих друг другу логиках массового и элитарного образования. Нет единства и в понимании результата образования: оно должно быть направленно на формирование «образцового потребителя», профессионала, отвечающего быстроменяющимся запросам рынка труда, или современного гражданина, способного успешно коммуницировать в разных социальных средах. Существуют серьезные разногласия и в том, правомерно ли определять профессиональное образование как часть социальной сферы или оно является сегментом рыночной экономики и представляет собой отрасль производства[3].

Проблема доступности образования часто сводится к рассмотрению проблем образования для социально уязвимых групп населения: инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей, детей из бедных или неблагополучных семей. Однако проблема справедливости в образовании значительно шире. Она связана с неравенством возможностей сельских и городских жителей, региональным неравенством в качестве образования и развитости образовательной инфраструктуры, имущественным цензом. Развитие платного образования в условиях экономических кризисов может создавать существенные проблемы в доступе к образованию и закреплять неравенство жизненных шансов. В то же время мода на учебу за рубежом детей из семей, относящихся к верхним слоям российского общества, свидетельствует, как минимум, о сомнениях в эффективности российской системы образования в воспроизводстве элитных групп.

Обеспечение справедливости в доступности образования, таким образом, связано с более широкой проблематикой, касающейся воспроизводства практически всех слоев российского общества.

Образование в современном обществе превратилось в ресурс, наличие которого стало для представителей низших слоев шансом на более успешную жизнь, а для благополучных слоев – шансом сохранить и повысить свой статус. Однако перспективы получения качественного образования стали более зависимы от человеческого, социального, культурного капитала – уровня образования, культурного кругозора, ценностных ориентаций, социального окружения и социальных связей. Это отражает особенности современного общества, где факторы, определяющие социальное неравенство, из экономической сферы переносятся в сферу символическую. В исследованиях П. Бурдье рассматривается роль символического капитала и культурной идентичности в формировании статусной иерархии и неравенства, обусловленного ценностными представлениями, доступом к информации и символическим ресурсам[4]. Отсюда обусловленность образовательных траекторий совокупностью установок и ориентаций,

Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. – М.: ЦСПиМ, 2011.

[1] Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. – М.: Альфа М, 2009.

[2] Геворкян Е.Н. Рынок образовательных ресурсов: аспекты модернизации. – М.: Маркет ДС, 2005. – С. 87–96.

[3] Гуреев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. – М.: Юнайтед Пресс, 2010. – С. 256–262.

[4] Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть. – М.: Наука, 1994. – С. 43–56, 193–194.

распространенных в определенной социальной группе.

Особый интерес вызывает вопрос роли образования в воспроизводстве и расширении средних слоев. Для них характерна не только более высокая активность в получении доступа к разнообразным формам современного образования, но прежде всего способность конвертировать образовательный ресурс в различные формы капитала. Более качественный набор жизненных шансов представителей средних слоев в современной России оказывается возможным за счет кумулятивного эффекта от взаимной конвертации накопленных ресурсов, что проявляется во взаимодействии накопленного образовательного ресурса с такими качествами, как финансовое поведение, взаимодействие с социальными сетями, образ жизни, сохранение здоровья. В современном российском обществе наблюдается воспроизводство классовой принадлежности выходцев из наиболее образованных семей во всех типах городов, а принадлежность к ядру среднего класса более жестко связана с культурным капиталом. Большинство тех, чьи родители не имели высшего профессионального образования, не попадают в средний класс[1].

Трансформация системы образования, с одной стороны, не является автономным процессом, развивающимся по своей внутренней логике, а в значительной степени связана с социально-экономической ситуацией в стране, изменениями социальной структуры, образа жизни, дохода и других факторов социального неравенства. С другой стороны, можно предположить, что дальнейшая дифференциация в сфере образования будет способствовать формированию новых линий социального неравенства. Это вполне естественно для рыночных конкурентных обществ, ориентированных на интеллектуальные ресурсы и инновационное развитие. Но подобная дифференциация в трансформирующихся обществах, в которых рыночные отношения сочетаются с государственным патернализмом, может свидетельствовать о серьезных искажениях в обеспечении справедливого доступа к образованию. Политика в сфере образования должна способствовать снижению неравенства в жизненных шансах, поэтому требуется понимание основных факторов неравенства и возможных путей достижения справедливости в условиях социальных трансформаций и распространения новых подходов к образованию.

В любом случае существенной проблемой становится определение соотношения неравенства и справедливости. Принцип социальной справедливости в современных обществах обретает весьма сложные, многослойные и неунифицированные трактовки. Можно выделить три основных подхода к определению справедливости, которые не всегда согласуются между собой.

Первый связан с либеральным пониманием справедливости, основанным на логике свободы и ответственности личности за собственные успехи и неудачи. Активность личности в выборе и получении образования может быть связана с платой за доступ к более качественным услугам. В свою очередь плата за качественное образование оправдывается возможностью доступа к квалификационному, человеческому и социальному капиталу, который затем конвертируется в успешное карьерное и профессиональное развитие. Этот подход далеко не всегда ведет к установлению имущественного ценза, блокирующего доступ к элитному образованию талантливых детей из бедных семей. Существует известный опыт студенческих кредитов, позволяющих перенести оплату обучения на тот период жизни, когда человек уже будет в состоянии конвертировать полученное образование в профессиональный успех. Это справедливо, поскольку потребительская стоимость образования как покупаемого продукта проявляется не в момент покупки, а через некоторое время после получения диплома. Опыт других стран показывает, что студенческие образовательные кредиты не только делают более доступным дорогое качественное образование, но и стимулируют развитие всей системы, поскольку кредит студент будет брать, скорее всего, для учебы в том вузе, диплом которого в большей мере гарантирует

[1] Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. – М.: Альфа М, 2009. – С. 177–203.

трудоустройство. Однако эрозия либеральной логики справедливости в обществах, в которых либерализация рынка сочетается с государственным патернализмом, может привести к существенным издержкам. В этом случае наблюдаются размывание «правил игры» и существенные искажения рыночной конкуренции, что ведет к закреплению несправедливого доступа к качественному образованию.

Второй подход основан на государственном регулировании сферы образования в целях гарантированного равного доступа к нему. Опыт выравнивания социального состава студентов в советском обществе не всегда давал позитивные результаты. Например, принятые в 1970-е гг. меры изменили социальный состав поступивших в вузы. В частности, речь идет о льготах для выпускников сельских школ, для абитуриентов, поступающих по направлениям предприятий или имеющих трудовой стаж, а также о подготовительных отделениях. Однако «льготники» отсеивались за годы учебы, и социальный состав выпускников вузов изменился незначительно. При этом вузам приходилось понижать уровень требований, что привело к существенным издержкам[1]. В настоящее время реализация этого подхода потребует поддержания высокой доли государства в финансировании образования, что становится все более проблематичным не только в связи с экономическими кризисами, но и в условиях трансформации сферы образования в современных обществах. В результате этой трансформации гумбольдтский идеал национального университета размывается, а заказчиком квалифицированных кадров становится не государство, а бизнес. Понимание справедливости в логике гарантированного равного доступа к образованию может привести к унификации образовательных программ на относительно низком уровне, что будет сдерживать развитие всей сферы, а ее функционирование будет поддерживаться за счет неформальных норм, нарушающих формальное равенство (когда формально бесплатные услуги на деле оказываются платными).

И третий подход основан на представлениях о том, что неравный доступ к элитному образованию на фоне гарантированного доступа к массовому образованию будет справедлив в среднесрочной перспективе, поскольку очаги элитного качественного образования будут стимулировать развитие всей сферы и в результате максимизируют благосостояние для всех. Действительно, существует много примеров, демонстрирующих, как неравенство на рынке услуг ведет к итоговому благосостоянию для всех и, соответственно, к более справедливому распределению жизненных шансов в будущем. Однако в краткосрочной перспективе такое неравенство вызывает, как правило, острую критику. И такая критика будет более оправданна, если среднесрочные и долгосрочные цели развития сферы образования сформулированы недостаточно конкретно.

В российском обществе представления о справедливости весьма противоречивы. По данным ВЦИОМ (13–14 апреля 2013 г., опрос 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 регионах России, статистическая погрешность не превышает 3,4%), 36% полагают, что справедливость состоит «в равенстве всех перед законом», 20% – «в том, чтобы уровень жизни всех был бы примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных», 13% – «в том, чтобы каждый мог достичь того, на что способен», 12% – «в том, чтобы положение каждого члена общества определялось его трудовыми усилиями», 11% – «в гарантиях для социально не защищенных, в социальной ответственности богатых», еще 6% ответили, что «никакой социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет», и по 1% выбрали другие ответы или затруднились с ответом[2].

[1] Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / Под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – С. 193–194.

[2] Социальная справедливость: как мы ее понимаем. Пресс-выпуск ВЦИОМ – 2013: – № 2346 / Код доступа:

Следует заметить, что понимание справедливости различается в зависимости от возраста респондентов и типа населенного пункта. Характерные представления о справедливости проявляются и в понимании реализации справедливости в сфере образования, где существуют противоречия между инерцией некоторых принципов советской модели управления образованием и новыми принципами регуляции сферы образования в условиях рыночной конкуренции. Слаборесурсные и низкостатусные слои, которые в российском обществе составляют весьма существенную долю населения, зависимы от государственной поддержки образования. Для этих слоев несправедливый доступ к образованию усиливается территориальными диспропорциями в развитии образовательной инфраструктуры. Сильноресурсные слои, напротив, сориентированы на высококачественное, дорогое образование, в том числе образование за рубежом.

Реализация принципа справедливости в сфере образования в значительной мере определяется указанными противоречиями в понимании справедливости в распределении шансов на образование и связана с ориентацией на потребности и возможности различных социальных слоев. С одной стороны, достижение равенства шансов на образование требует увеличения государственного и муниципального финансирования учреждений образования, создания большего количества бюджетных мест. Иначе неравный доступ к образованию будет блокировать социальную мобильность для детей из бедных семей, что приведет к опасному усугублению проблемы наследственной бедности, углублению неравенства и росту социальной напряженности. Но с другой стороны, именно либеральная логика равенства на конкурентном рынке образовательных услуг, а не уравнительное понимание справедливости способствует развитию сферы образования за счет повышения качества образования в лучших образовательных учреждениях, что в будущем ведет к повышению шансов на качественное образование для всех. В этой связи наиболее болезненным оказывается решение вопросов о том, какие именно образовательные услуги должны быть доступны всем и распространяться при поддержке государства, а какие могут быть коммерциализированы. Указанная проблематика имеет высокую общественную значимость и не имеет однозначных решений. Поэтому ее обсуждение должно быть открытым, основываться на согласовании интересов образовательных учреждений, различных социальных групп, профессиональных сообществ и всех заинтересованных субъектов.

Библиография/References:

1. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть. – М.: Наука, 1994.

2. Геворкян Е.Н. Рынок образовательных ресурсов: аспекты модернизации. – М.: Маркет ДС, 2005.

3. Гуреев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. – М.: Юнайтед Пресс, 2010.

4. Константиновский Д. Л. Российская молодежь: образование и занятость // Россия и Китай: молодежь XXI века. – М. Новый хронограф, 2014.

5. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. – М.: ЦСПиМ, 2011.

6. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / Под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010.

7. Социальная справедливость: как мы ее понимаем – Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2346 – URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114297

8. Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. – М.: Альфа М, 2009.

http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114297

1. Burd'e P. (1994). Social'noe prostranstvo i simvolicheskaja vlast'. [The social space and symbolic power]. – M.: Nauka.

2. Gevorkjan E.N. (2005). Rynok obrazovatel'nyh resursov: aspekty modernizacii. [Educational resources market: aspects of modernization]. – M.: Market DS.

3. Gureev S. (2010). Mify jekonomiki: zabluzhdenija i stereotipy, kotorye rasprostranjajut SMI i politiki. [Myths of the economy: misconceptions and stereotypes that distribute the media and politicians]. – M.: Junajted Press.

4. Konstantinovskij D. L. (2014). Rossijskaja molodezh': obrazovanie i zanjatost' [Russian youth: education and employment] // Rossija i Kitaj: molodezh' XXI veka. – M. Novyj hronograf.

5. Konstantinovskij D.L., Voznesenskaja E.D., Cherednichenko G.A., Hohlushkina F.A. (2011). Obrazovanie i zhiznennye traektorii molodezhi: 1998–2008. [Education and Life trajectories of youth: 1998 – 2008 years]. – M.: CSPiM.

6. Modernizacija rossijskogo obrazovanija: problemy i perspektivy (2010). [Modernization of Russian Education: Problems and Prospects]. / M.K. Gorshkov, F.Je. Sheregi. – M.: CSPiM.

7. Social'naja spravedlivost': kak my ee ponimaem (2013). [Social justice: as we understand it]. Press-vypusk VCIOM № 2346 / http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114297

8. Tihonova N.E., Mareeva S.V. (2009). Srednij klass: teorija i real'nost'. [Middle class: Theory and Reality]. – M.: Al'fa M.